

С. Л. Фирсов*

**ГОСТЬ НА «ПИРУ БОГОВ».
К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ
СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА БУЛГАКОВА
В РАБОТАХ ВЕЛИКОГО МОСКОВСКОГО СОБОРА 1917–1918 гг.****

Статья посвящена рассмотрению деятельности на Поместном Соборе 1917–1918 гг. известного экономиста, философа и богослова Сергея Николаевича Булгакова. Проделав путь «от марксизма к идеализму», С. Н. Булгаков встретил революцию глубоко верующим православным христианином, непримиримо относившимся к идеям социалистического переустройства общества. С первых дней работы Поместного Собора он принял в нем активное участие, был избран членом Высшего Церковного Совета, разрабатывал и писал ряд постановлений и посланий Собора. В настоящей статье делается анализ соборных докладов С. Н. Булгакова о социализме, ранее неизвестных широкому кругу исследователей. Автор показывает, что деятельность С. Н. Булгакова была проникнута мыслью о сохранении единства Православной Российской Церкви, стремлением противостоять натиску антиклерикального большевизма и желанием построить такие отношения Церкви с государством, которые отвечали бы интересам православных верующих. Собор стал для С. Н. Булгакова доказательством того, что Церковь жива и способна к религиозному творчеству даже в условиях революционных пертурбаций.

Ключевые слова: С. Н. Булгаков, Поместный Собор, соборность, Православная Российская Церковь, революция, большевизм, социализм, Декрет об отделении Церкви от государства, Патриарх Тихон.

---

* Фирсов Сергей Львович, доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, профессор Санкт-Петербургской православной духовной академии; sfirsofff@mail.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00272 «С.Н. Булгаков: pro et contra. Творчество С. Н. Булгакова в историческом и современном контекстах».

S. L. Firsov
GUEST AT THE "FEAST OF THE GODS".
ON THE QUESTION OF THE PARTICIPATION OF SERGEY NIKOLAEVICH BULGAKOV
IN THE WORKS OF THE GREAT MOSCOW COUNCIL OF 1917–1918

The article is devoted to the consideration of the activities at the Local Council of 1917–1918, the famous economist, philosopher and theologian Sergei Nikolaevich Bulgakov. Having made the path "from Marxism to idealism", S. N. Bulgakov met the revolution as a deeply believing Orthodox Christian, who was irreconcilable with the ideas of the socialist reorganization of society. From the first days of the work of the Local Council, he took an active part in it, was elected a member of the Supreme Church Council, developed and wrote a number of resolutions and messages of the Council. This article analyzes the conciliar reports of S. N. Bulgakov on socialism, previously unknown to a wide circle of researchers. S. L. Firsov shows that S. N. Bulgakov's activities were imbued with the idea of preserving the unity of the Orthodox Russian Church, the desire to resist the onslaught of anti-clerical Bolshevism and the desire to build relations between the Church and the state that would meet the interests of Orthodox believers. The Council became for S. N. Bulgakov proof that the Church is alive and capable of religious creativity even in conditions of revolutionary perturbations.

Keywords: S. N. Bulgakov, Local Council, conciliarity, Orthodox Russian Church, revolution, Bolshevism, Socialism, Decree on the separation of Church from state, Patriarch Tikhon.

Протоиерей Сергей Булгаков (1871–1944) широко известен как выдающийся русский философ, богослов, экономист и общественный деятель. О нем много писали и пишут и в России, и на Западе; его работы издаются и переиздаются [23]. Учение отца Сергия о Софии Премудрости Божией вызвало бурную полемику в среде православных богословов, в середине 1930-х гг. было осуждено Московской Патриархией и названо еретическим — Русской Православной Церковью Заграницей. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что его личность и его творчество никогда не игнорировались исследователями, как историками, так и теологами. И все же следует признать, что история участия отца Сергия в работе Великого Московского Собора 1917–1918 гг. до сих пор не стала предметом специального изучения. Между тем, тема эта исключительно важная, прежде всего потому, что помогает лучше почувствовать влияние рокового времени на жизнь одного из наиболее ярких русских мыслителей, проделавшего непростой путь «от марксизма к идеализму». Сергей Николаевич Булгаков принял священный сан в 1918 г., когда некогда «главенствующая» конфессия империи — Православная Российская Церковь — стала гонимой и преследуемой, будучи жестко «отделена» от государства, со всеми вытекавшими отсюда морально-нравственными и социально-экономическими последствиями.

Поместный Собор открылся в Москве, в Храме Христа Спасителя, 15 августа 1917 г. Его открытию предшествовали подготовительные работы, начатые вскоре после падения монархической государственности. Разумеется, можно сказать, что «подготовка» велась и ранее — о необходимых переменах в церковном управлении и о насущных церковных реформах много писали отечественные публицисты, богословы и историки, начиная с конца XIX в. О реформах (в т. ч. и о необходимости созыва Поместного Собора) говорили в своих «Отзывах» епархиальные архиереи в 1905–1906 гг. (см.: [14]). Огромную

работу проделали члены Предсоборного Присутствия 1906 г. (см.: [11]), а также Предсоборного Сопещения 1912–1916 гг. (см.: [13]). Наконец, «для обсуждения назревших вопросов, касающихся устройства Православной Российской Церкви», 12 июня 1917 г. в Петрограде приступил к работе Предсоборный Совет. Для участия в его деятельности еще 25 мая 1917 г. Св. Синод решил пригласить известных богословов, историков и церковно-общественных деятелей. Список состоял из 18 лиц, вторым номером в нем был поставлен ординарный профессор политической экономии Московского коммерческого института С. Н. Булгаков. Тогда же, от имени синодального обер-прокурора, ему было выслано персональное приглашение с предложением приехать на заседание в столицу и с указанием на то, что «деньги на расходы по проезду и за участие в трудах Предсоб[орного] Совета будут выданы <...> в Петрограде» [6, с. 40, 174]. Спустя полтора месяца, 10 июля 1917 г., Св. Синод составил поименный список членов Предсоборного Совета, получивших право быть членами Поместного Собора (всего было 33 имени). Открывался список именами руководителей ведомства православного исповедания: обер-прокурора Св. Синода В. Н. Львова и его товарища по должности А. В. Карташёва. С. Н. Булгаков в этом списке, составленном, как и предыдущий, не в алфавитном порядке, занимал десятую позицию [6, с. 54].

Известно, что в силу целого ряда причин субъективного характера С. Н. Булгаков участия в трудах Совета не принимал — из Москвы в Петроград не приезжал (в данном случае С. Н. Булгаков был не одинок: кроме него, еще 10 человек, избранных и/или приглашенных в Предсоборный Совет, по разным причинам не приняли в его работах участия. Среди «не принимавших участие» был митрополит Владимир (Богоявленский), профессора Н. А. Заозерский и В. И. Экземплярский, князь Е. Н. Трубецкой, М. А. Новосёлов и другие известные в церковной среде деятели. [7, с. 1312–1315].). Но в данном случае важнее отметить иное: синодальные деятели, занимавшиеся подготовкой созыва Поместного Собора, к тому времени прекрасно понимали, что профессор Московского коммерческого института — выдающийся религиозный мыслитель, способный четко и ясно формулировать вопросы и находить ответы на принципиальные вопросы текущей церковной жизни революционной России. Не случайно при обсуждении в Предсоборном Совете вопроса «О Богословском институте» председатель Богословской комиссии И. П. Николин вспоминал, как в 1909 г., по просьбе Учебного Комитета, профессор С. Н. Булгаков рассматривал «программу по социализму», заявив, что «потребности усложняющейся жизни требуют от пастыря понимания экономических и социальных отношений», а приобретение элементарных познаний в данной области «потребуется едва ли меньше 3–4 учебных часов в неделю» [7, с. 972].

То, что о «программе по социализму» вспомнили летом 1917 г., конечно, удивления вызывать не может: именно тогда «социалистические» лозунги стали пользоваться исключительной популярностью в массах, и Церковь не могла это игнорировать. Не будем также забывать, что программа под названием «О введении в духовных семинариях преподавания обличения основ социализма» была введена в курс семинарского преподавания именно с 1909–1910 учебного года, а сам курс являлся составной частью преподававшегося в ду-

ховных школах нравственного богословия [22, с. 196–222]. С. Н. Булгаков, преодолевший «искушение марксизмом», как никто другой задолго до падения самодержавной государственности понимал, какую опасность несут красивые лозунги социальной справедливости для страны, большинство населения которой не умело ни читать, ни писать.

В дальнейшем, как показала история работ Поместного Собора, С. Н. Булгаков неизменно выступал категорическим противником большевистского социализма и непримиримым борцом с провозглашенной большевистскими лидерами идеей построения нового государства, антиклерикального по своей сути. На Соборе он был одним из тех, кто наиболее активно участвовал в заседаниях, дискуссиях, составлении важных соборных документов вплоть до июля 1918 г. Однако прежде чем поведи об этом речь, следует сказать о том, как С. Н. Булгаков стал полноправным членом Поместного Собора. Месяц спустя после открытия Собора, 20 сентября 1917 г., состоялось заседание, на котором был оглашен доклад Отдела личного состава по проверке полномочий соборян, признавший членами Собора членов Предсоборного Совета, среди которых (последним в списке) значился и С. Н. Булгаков. Одновременно с этим, на том же заседании, полномочия С. Н. Булгакова, как «совершенно правильно» избранного на епархиальном избирательном собрании Таврической епархии, также были признаны законными [9, с. 46, 48]. Как видим, парадоксальным образом, в качестве члена Собора он был избран дважды.

А уже неделю спустя, 27 сентября 1917 г., С. Н. Булгакова, вместе с князем Е. Н. Трубецким и профессором П. П. Кудрявцевым, избрали в состав Комиссии для составления послания к православному народу об участии в выборах в Учредительное Собрание [9, с. 59]. Проект послания был оглашен уже 30 сентября, тогда же Соборный Совет (исполнительно-распорядительный орган, составлявший президиум Собора) постановил сделать в нем некоторые исправления и передать их составителю — С. Н. Булгакову [8, с. 90]. Тогда еще никто не мог представить, что Учредительное Собрание соберется лишь на один день и в ночь с 5 на 6 января 1918 г. будет разогнано свергнувшей Временное Правительство «рабоче-крестьянской» властью. Надежды определить форму будущей российской государственности демократическим путем, оказались разбитыми. Среди «проигравших» оказались и соборяне, желавшие укрепить влияние Церкви в государстве путем привлечения в состав Учредительного Собрания своих «верных чад».

Впрочем, до январских событий тогда было далеко, главным вопросом Собора был вопрос о восстановлении патриаршества. Он много и широко обсуждался соборянами, среди которых был и С. Н. Булгаков. На Соборе он выступил горячим сторонником восстановления патриаршества, доказывая достаточно многочисленным соборным «скептикам» необходимость возглавления Православной Церкви первосвященником в патриаршем сане.

28 октября 1917 г., спустя три дня после захвата власти большевиками, состоялось очередное заседание Собора, перед началом которого его председатель — митрополит Московский Тихон (Беллавин) совершил молебен об умиротворении Державы Российской. На заседании обсуждались различные вопросы, в т. ч. и посвященные основным положениям о высшем управлении

Церкви. К этому заседанию С. Н. Булгаков подготовил специальную статью — «Смысл патриаршества в России», вскоре опубликованную в одном из выпусков «Деяний» Собора в 1918 г.

В первых строках статьи он заявлял: «в недрах соборности церковной родилось патриаршество» [10, с. 706–707]. На прозвучавшие слова следует обратить пристальное внимание: Поместный Собор профессор воспринимал как место, где свершалось возрождение «соборности», когда наиболее зримо проявляется сущность Церкви как «народа Божия». Любопытно, что современные западные теологи, занимавшиеся изучением богословского содержания Собора 1917–1918 гг., называют С. Н. Булгакова вместе с князем Е. Н. Трубецким «предводителями» центристского течения в среде соборян, выступавшими на первое место именно принцип соборности [3, с. 107–108].

Для С. Н. Булгакова было очевидно, что «восстанавливаемое патриаршество не есть лишь реставрация, но совершенно новый акт Русской Церкви, хотя, конечно, она и действует здесь в согласии с древним преданием». Он отдельно подчеркивал, что патриаршество есть исторически возникшее церковное установление, не только имеющее твердую основу в каноническом и вероучительном предании, но и вызываемое потребностями развивающейся жизни. Из сказанного понятно и отношение С. Н. Булгакова к Патриарху, который, по его мнению, имеет не только церковно-канонические права, но и особый иерархический авторитет, «ибо в нем выражается живое единство Поместной Церкви», «в нем Поместная Церковь осознает себя органической частью Церкви Вселенской» [10, с. 707, 708, 709].

Другими словами: Патриарх есть символ единства Русского Православия с Православием Вселенским или, если угодно, добавим от себя, Патриарх есть «лицетворение» идеи соборности, ее «гарант» и хранитель. Откликаясь на злобу дня, С. Н. Булгаков напоминает критикам идеи восстановления патриаршества, что оно символизирует церковную независимость в то время, когда «приходится вести церковный корабль по бурным волнам среди всеобщей смуты, вместо прежней безопасности в гавани государства». Патриаршество «есть орган вселенского сознания Православной Церкви, каким не мог являться провинциальный коллегиум Синода». Слово найдено: патриаршество может послужить преодолению церковного «провинциализма». Даже в трагедии войны и революции, разрушившей (и продолжавшей разрушать) Россию и Европу, С. Н. Булгаков видел осуществляемое зло, которое было посеяно тысячу лет назад, когда назревала «последняя распря» Константинопольского и Римского престолов.

Таким образом, богослов смотрел на воссоздание института патриаршества в России не столько с исторической, сколько с историософской и религиозной точки зрения, не скрывая надежду на то, что появление Патриарха будет способствовать ощущению близости чуда — «нового мира по всей Вселенской Церкви» [10, с. 709, 710, 711].

Не будем обсуждать мечты — жестокая реальность не дала им возможности осуществиться. Но в том, что сторонники восстановления патриаршества на Соборе победили, есть заслуга и С. Н. Булгакова: в начале ноября 1917 г., путем жеребьевки, Патриархом Московским и всея России был избран ми-

трополит Московский Тихон (Беллавин), интронизация которого была проведена в Успенском соборе Кремля в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. С того времени и фактически, и формально закрылась последняя страница в истории Синодальной эпохи. Главное дело Поместного Собора оказалось исполненным. Характерно, что накануне интронизации, 18 ноября, выступая перед членами Собора, С. Н. Булгаков затронул вопрос и о прерогативах власти Патриарха, заметив: они не поддаются *точному* юридическому определению. «Будем молить Господа Бога, — говорил профессор, — чтобы этого определения нам не понадобилось, чтобы не возникло несогласий, и мы жили бы в мире и любви». Он выступал противником ограничения прав Патриарха накануне его наестонования [19, с. 140].

Наступали новые времена, когда остро встал вопрос об отношениях с государством, новые властители которого не скрывали своего намерения окончательно и бесповоротно «отделить» Церковь от государства, не только лишив ее государственных субсидий, но и полностью изолировав от влияния на процесс морально-нравственного воспитания православного (по рождению) народа. Уже тогда, в ноябре 1917 г., соборяне достаточно много и активно обсуждали вопрос о том, как должна Церковь реагировать на предполагавшееся «отделение», что она должна сказать захватившим кормило власти богоборцам.

В первые дни после Октябрьского переворота большинство соборян не отдавали себе отчета в случившемся, реагируя на конкретные события (например, ими выдвигались предложения о необходимости отозваться «на московские события последних недель», избрав особую для этого комиссию). Речь шла о вооруженном подавлении большевиками вставших на поддержку свергнутого в Петрограде Временного Правительства московских юнкеров. Среди выдвигавших подобные предложения был и С. Н. Булгаков. Соборяне стремились остановить самосуд и иные виды «кровавой расправы» [8, с. 146, 147]. Затем они стремились добиться разрешения на участие священнослужителей «в погребении убитых в дни междоусобной распри студентов, курсисток, сестер милосердия», назначенном на 13 ноября. Среди присутствовавших на заседании был и С. Н. Булгаков [8, с. 151–152].

Ситуация накалялась, старая центральная власть полностью потеряла рычаги управления страной. Политика новой власти вызывала не только неприятие, но и резкое осуждение со стороны соборян. 11 ноября на заседании Собора С. Н. Булгаков зачитал проект обращения Собора к народу в связи с поруганием святынь Кремля. Собор этот проект принял [19, с. 120]. И хотя слово «большевик» в нем не прозвучало, было ясно, что речь в обращении (получившем в дальнейшем наименование «Послания») шла именно о них. В нем говорилось, что Российская держава рушится от «беснующегося безбожия», что вместе с храмами Кремля начинает рушиться все ее «мирское строение» и некогда могучая страна распадается на части. «Для тех, кто видит единственное основание своей власти в насилии одного сословия над всем народом, не существует родины и ее святыни. Они становятся изменниками Родины, которые чинят неслыханное предательство России и верных союзников наших». Собор призывал всю Церковь принести покаяние за великий грех своих сынов, впавших «в братоубийство и кощунственное разрушение святынь народных» [16, с. 122–127].

Ближайшее будущее показало, что то был «глас вопиющего в пустыне». В условиях разгоравшейся Гражданской войны вопрос о святынях новой властью не воспринимался в качестве принципиального. Мнение Церкви об «изменниках родины» не могло изменить «политическую природу» большевизма и их харизматического лидера. Власть и Церковь жили в «параллельных мирах», не признавая ценности и святыни друг друга. За это «непризнание» Церкви придется заплатить огромную цену, но это случится лишь после того, когда большевики сумеют удержаться в качестве самодержавных правителей страны. А в ноябре 1917 г. ситуация была совершенно неясной. И члены Собора, включая С. Н. Булгакова, активно обличали большевистское руководство в предательстве национальных интересов и в небрежении к традиционным религиозным ценностям народа.

В качестве примера можно привести предложение С. Н. Булгакова и князя Е. Н. Трубецкого, сделанное 17 ноября. Они выступили с заявлением «о предположениях внести, за подписью установленного числа лиц, письменное заявление Собору с предложением выразить протест против начатых группой лиц, силою оружия захвативших власть в свои руки, переговоров о заключении мира» [8, с. 170]. В тот же день, на очередном заседании, было заслушано заявление членов Собора (первым его подписал С. Н. Булгаков, скорее всего и являвшийся составителем текста) с предложением немедленно вынести постановление.

Постановление констатировало:

В последнее время группа людей, силою оружия захватившая власть в Петрограде, Москве и некоторых других городах, взяла на себя смелость накануне открытия Учредительного Собрания вступить с Германией от лица русского народа и Русского государства в переговоры о мире.

Далее соборяне указывали, что

лица, вступившие от лица Российского государства в международные сношения, не являются свободно избранными представителями населения и выразителями мысли и воли нации, почему и не могут быть признаны правомочными в деле ведения мирных переговоров.

Прочный мир, по мысли соборян, мог быть заключен лишь в согласии с союзниками, на иных условиях он

был бы изменой нашим союзникам, предательством единоверных нам народов и мог бы свергнуть Россию в горшие бедствия, от чего да избавит ее Господь Бог [8, с. 171–172].

Никакой официальной реакции ленинского Совнаркома на заявление Собора, как и следовало ожидать, не было. Никакого впечатления на большевиков не могли произвести и заявления соборян о необходимости составления особого послания «по поводу распространения масонства и социализма среди православного русского населения» (составление поручалось С. Н. Булгакову) [8, с. 180]. Уже одно то, что слова «масонство» и «социализм» были поставлены в единый ряд, говорило о весьма специфическом понимании соборянами социальных пертурбаций, наступивших в России после Февраля 1917 г.

В случае обнаружения подобного послания у большевиков появлялся повод объявить представителей Церкви «черносотенцами». В тот раз этого не произошло, но в дальнейшем прилагательное «черносотенное» будет непременно употребляться в тех случаях, когда штатные идеологи большевизма пожелают соединить его с существительным «духовенство», разумеется, с простой целью «заклеймить» православный клир, и священников, и архиереев.

Между тем события развивались, вслед за обсуждением вопроса о сепаратном мире большевиков с немцами на повестке дня появился означенный нами выше вопрос — об отделении Церкви от государства. 5 декабря 1917 г. было оглашено заявление 34 членов Собора, в котором предлагалось обсудить проект СНК об отделении Церкви от государства и вынести соответствующее постановление [8, с. 241]. Патриарх Тихон предложил составить соответствующее обращение, для чего образовать специальную Комиссию. Ее членом стал С. Н. Булгаков. В январе 1918 г., но до опубликования декрета об «отделении», Соборный Совет постановил образовать еще одну Комиссию — «для обсуждения вопроса о возможных мероприятиях духовной власти в случае осуществления Советом народных комиссаров предположения о захвате церковного имущества». А неделю спустя, 18 января, в первый день работы второй сессии Собора, Соборный Совет рассмотрел среди прочего декларацию С. Н. Булгакова об отношении Церкви к государству. К тому времени она уже была напечатана [8, с. 268].

Впрочем, необходимо отметить, что «декларация» была составлена и зачитана профессором задолго до января 1918 г. — спустя две недели после избрания Патриарха и за шесть дней до его интронизации — 15 ноября 1917 г. «Отсрочка» обсуждения была вызвана принятием предложения князя Е. Н. Трубецкого, полагавшего, что до тех пор, пока «декларация» не будет напечатана и роздана соборянам, обсуждение лучше не проводить [9, с. 136, 149].

«Декларация» начиналась словами, которые могли быть восприняты только верующими христианами и, соответственно, не могли встретить не только сочувствия, но и понимания у большевистских лидеров: «Церковь Христова озаряет мир светом истины, она есть соль, его осоляющая». Далее шло богословско-апологетическое истолкование этого тезиса, которое должно было помочь в объяснении того, как Православная Церковь относится к новым государственным формам. Утверждалось, что Церковь «не имеет суждения об этих формах со стороны их политической целесообразности; но она неизменно стоит на таком понимании власти, по которому всякая власть должна быть христианским служением». Сказано твердо и однозначно. В данной «декларации» не нашла (и, полагаю не могла найти) отражение известная формула Кавура: *libera Chiesa in libero Stato*. Собор констатировал: если Российское государство

не захочет отрывать себя от духовных и исторических корней, само должно охранять первенствующее положение Православной Церкви в России, внимая ее нуждам и со своей стороны пролагая разумными мерами путь для духовного ее воздействия на народную жизнь [15, с. 399, 402, 403].

Выступая 15 ноября, С. Н. Булгаков патетически восклицал:

Должно быть осуждено, отвергнуто и признано абсурдным то, что называется отделением Церкви от государства, предоставление государству исключительного мирского господства и уход Церкви куда-то в пространство, вне истории и вне жизни.

Не подвергая сомнению то, что сферы в е дня Церкв и государства следует разделить, он тем не менее указывал:

...то, что обычно называется отделением Церкви от государства, имеет много толкований <...>. Я говорю здесь о религиозном отделении [19, с. 128].

На следующий день, 16 ноября, продолжая разговор о правовом положении Церкви в государстве, С. Н. Булгаков напомнил соборянам, что церковный проект

строился в сознании необходимости союза между Церковью и государством. Кто настолько ошеломлен последними событиями, что отчаялся совершенно в будущем русской государственности, тот, конечно, должен отвергнуть мысль о союзе Русского государства и Русской Православной Церкви. Но тогда весь проект должен построяться совершенно иначе [19, с. 131].

В том-то, думается, и было дело: в условиях большевистской диктатуры церковный проект следовало составить «иначе». Но в ноябре 1917 г. никто в России не мог представить, что большевики пришли «всерьез и надолго», что новой моделью государственной власти будет власть антиклерикально настроенной коммунистической партии, драпируемой «властью Советов». Такую власть соборяне не принимали, а само понятие «большевизм» воспринимали как синоним демагогического максимализма. Собор даже организовал специальную «Комиссию о большевизме в Церкви», в которую весной 1918 г. был включен и С. Н. Булгаков. Он заменил протоиерея А. П. Рождественского, «ввиду множества других занятий» не имевшего возможности полноценно работать в Комиссии [20, с. 323] (о «церковном большевизме» см. подр.: [18, с. 292–296]).

Возвращаясь вновь к декрету об «отделении», следует также упомянуть о том, что вскоре после его обнародования, 25 января 1918 г., по предложению князя Е. Н. Трубецкого Собор постановил образовать особую комиссию для составления специального послания народу, в котором должна была найти отражение церковная позиция по поводу этого законодательного акта. Членом комиссии тогда же стал и С. Н. Булгаков [9, с. 253]. Постановление Собора, составленное в тот же день, звучало как обвинительный акт по отношению к большевистскому руководству.

«Под предлогом “отделения Церкви от государства”, — говорилось в нем, — Совет Народных Комиссаров пытается сделать невозможным самое существование храмов, церковных учреждений и духовенства». Собор официально указал, что изданный СНК декрет «представляет собою под видом о свободе совести злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого на нее гонения», а также что всякое участие в издании декрета и в попытках его проведения в жизнь несовместимо с принадлежно-

стью к Православной Церкви и навлекает на виновных суровые кары, вплоть до отлучения [17, с. 158, 160].

Нетрудно понять, что те, кому адресовались соборные предостережения, были давно далеки и от религии, и от Церкви (если по рождению к ней некогда принадлежали). Собор лишь зафиксировал свою позицию, которая и так была хорошо известна большевикам. Подобные выступления они могли характеризовать (и характеризовали) в свойственной им манере как контрреволюционные. Соответственно, «контрреволюционерами» в их глазах были и те, кто их составлял и поддерживал. В их числе не мог не быть и С. Н. Булгаков, к слову сказать, еще с 11 января 1918 г. состоявший и в Комиссии, заблаговременно составленной для обсуждения вопроса о возможных мероприятиях духовной власти в случае осуществления СНК предположения о захвате церковного имущества [8, с. 265].

Одновременно с вопросом об отношении Церкви и государства в конце 1917 г. возник и другой вопрос исключительной важности, касавшийся Всеукраинского Областного Собора. Собор этот, открывшийся 8 января 1918 г., задолго до начала его заседаний вызывал большое беспокойство соборян. Дело заключалось в том, что в числе сторонников и противников автокефалии Украинской Церкви находились люди различных убеждений — и националисты, и монархисты, и сторонники единой Православной Российской Церкви, и те, кто стремился отойти от подчинения ей. Противниками автокефалии были епископы, а сторонниками — представители низшего духовенства и православные украинские интеллигенты, за которыми шла значительная масса верующих «простецов».

Понимая всю сложность вопроса, Собор уже 24 ноября 1917 г. решил послать делегацию в Киев, согласившись на предложенную профессором С. Н. Булгаковым формулировку: «Всероссийский Церковный Собор, высоко ценя сыновнюю верность не только вселенскому, но и местному преданию, приглашает украинскую митрополию выяснить свои местные нужды касательно устройства церковного быта. Вместе с тем он выражает надежду, что приверженность местному преданию не побудит сынов земли украинской отступить от преданий Всероссийской Церкви и тем нарушить единство любви церковной» [9, с. 169; 19, с. 155].

История показала, что Гражданская война — не лучшее время для решения церковных проблем. И тем не менее Всеукраинский Собор, работавший до декабря 1918 г. (до захвата Киева петлюровцами), не встал на путь сепаратизма, чему в исключительной степени содействовал избранный в апреле 1918 г. митрополитом Киевским известный поборник церковного единства Украины и России Антоний (Храповицкий) [21, с. 58–145]. В нашем случае следует обратить внимание не столько на историю Всеукраинского Собора, сколько на то, что формулировка С. Н. Булгакова оказалась исключительно корректной, учитывавшей не только исторические и канонические принципы церковного единства, но и психологические моменты восприятия украинскими верующими их многовековых связей с Российской Церковью.

В конце 1917 г. изменился и «соборный статус» С. Н. Булгакова. 7 декабря 1917 г. Собор принял определение о Священном Синоде и Высшем Церков-

ном Совете, которым, совместно с Патриархом, принадлежало право управления церковными делами, а уже 8 декабря 1917 г. в результате голосования С. Н. Булгаков стал членом Высшего Церковного Совета от мирян, получив максимальное число выборщиков (всего в качестве кандидатов баллотировался 21 соборянин, из которых в Совет вошло шесть человек) [9, с. 234–236]. ВЦС состоял из 15 членов во главе с Патриархом, в него входили три члена Синода (по избранию самого Синода), представитель монашеской братии, пять клириков и шесть мирян. То, что одним из шести стал С. Н. Булгаков, свидетельствовало о его авторитете среди членов Собора, признании его богословских и государственных талантов. В условиях, когда пропаганда антирелигиозного социализма и антиклерикализма постоянно усиливались, он зарекомендовал себя глубоким и вдумчивым церковным аналитиком, пытавшимся найти ответы на злободневные вопросы русской жизни.

В этой связи необходимо упомянуть доклад о социализме, который С. Н. Булгаков сделал 9 февраля 1918 г. Доклад представлял собой квинтэссенцию взглядов профессора на социализм, окончательно сформировавшихся после того, как он отказался от марксистских подходов к социальному переустройству общества. Прежде всего С. Н. Булгаков повторил тезис об осуждении Церковью алчности, сребролюбия и похоти, «которые положены в основу новейшего хозяйственного строя, приводящего к угнетению трудящихся и взаимной зависти и вражды». Хозяйственная жизнь и социальные отношения, по его мнению, должны определяться началами христианской нравственности, а члены общества — осознавать свою ответственность перед Богом за распоряжение имуществом и приложение труда. Классовый и личный эгоизм должны умеряться этим сознанием.

С. Н. Булгаков отрицал эгоизм как единственную основу хозяйства, признавая, что новейший капиталистический строй, приведший к Мировой войне, «породил и духовную отраву классово-борьбы и современного социализма». «Церковь, — продолжал он далее, — благословляет хозяйственный труд, совершаемый во славу Божию как общественное служение, призывает имущих к заботе о неимущих, а трудящихся к ответственности пред своим трудом». Из заявленного следовало, что «социализм как практическое течение, порожденное хозяйственным строем, представляет собою смешанную совокупность добра и зла». Совершая правое дело любви к ближнему в своем стремлении облегчить положение трудящихся и униженных, социализм соединяет это правое дело «с ложными учениями, составляющими отраву наших дней».

В третьем тезисе С. Н. Булгаков поясняет, что имеет в виду под словом «отрава», называя социализм «в распространенных учениях» явлением, в основе имеющим «безбожие (или человекоборие), которое в основу человеческих отношений налагает корысть, зависть, злобу, разжигает ненависть классов и разрушает духовные основы общества и хозяйства». С. Н. Булгаков повторяет старое утверждение, согласно которому социализм, лишая веры в Бога, вселяет в человека уверенность в достижении рая на земле путем борьбы и ненависти, искореняя сознание греха и необходимости покаяния и борьбы с грехом. «Поэтому учение безбожного социализма есть антихристианство, прельщение от которого остерегает Церковь чад своих».

Исходя из сказанного профессор переходил к анализу действий современных социалистов, прикрывающих вражду к христианству выражением об отделении государства от Церкви. «Действия “совета народных комиссаров”, открывших прямое гонение на церковь об этом свидетельствуют всей России, — подчеркивал он, указывая далее: — ...кстати, социалисты обнаружили антихристову ненависть к Церкви. В этой вражде сходятся различные социалистические течения, неверие полагающие в свою основу. Сыны церкви, борясь с антихристовыми прельщениями безбожного социализма и ложными его обетованиями должны внести христианский дух в социальное движение». Резюмируя, С. Н. Булгаков полагал правильным предложить Церкви обратиться к православным рабочим, с приглашением образовать православные курсы, имеющие свой храм и святого покровителя или же группирующиеся около православного народа» [4, л. 110].

Как видим, С. Н. Булгаков огульно не отрицал призывы социалистов к справедливости и помощи униженным, но видел невозможность осуществления ими благих дел в силу порочной основы — воинствующего антихристианства и безбожия. Социализм (в его практическом — большевистском — исполнении) признавался «делом антихристовым». Предложение профессора обратиться к православным рабочим в условиях 1918 г., было, конечно, наивным, но сама «диагностика», выполненная с учетом православного подхода к проблеме богатства и бедности, должна быть признана вполне корректной.

Впрочем, на том же заседании С. Н. Булгаков выступил с еще одним докладом, в котором также тезисно изложил вопрос об отношении христианина к хозяйственному (и не только) деланию, по сути продолжив разговор о социальной справедливости и отношении к ней учения социализма. Прежде всего профессор вспомнил библейское учение о предназначении человека, подчеркнув, что труд, имеющий природу свободного и бескорыстного, любовного и непринужденного творчества, был райским жребием человека. Лишь первородный грех искажил (не изменив в существе) природу человека.

Возникает хозяйственная неволя человека у природы и человека же, которая принимает различные формы от наиболее грубых до самых тончайших, но никогда человек, облеченный в сие тело смерти не может своими силами сбросить с себя этого хозяйственного ига и освободиться от этого хозяйственного плена. Он должен послушно и терпеливо нести наложенное на него бремя не только как наказание, но и как спасительную заповедь Божию... [5, л. 112]

Далее профессор рассказывал, к чему должен стремиться христианин в своем делании, не допуская того, чтобы им овладела низкая корысть. Однако более интересно утверждение о том, что Церковь никогда не связывала и не связывает себя ни с какой из форм *собственности*, не отрицая, но и не утверждая института частного общественного строя и имущественных отношений. Для Церкви важны не формы, а их исполняющий дух. «Во всяком общественном строе Церковь призывает к исполнению своего долга каждым в своем звании не ради своего интереса и себялюбия, но ради Господа».

Резко протестуя против учения о свободе человеческой природы от икажения и порчи первородным грехом и, следовательно, против утверждения

о том, что естественный человек волен служить своим страстям и похоти «в полном доверии к своему совершенству», С. Н. Булгаков резко отзывается о поклонившихся «мамоне вместо Бога». Ревнители наживы («золотого тельца»), по его словам, «заразили и отравили обездоленные трудящиеся массы, которые прониклись ответной завистью и злобой». Мир распался на два стана: владеющих и желающих овладеть, ослепление себялюбия потрясает мир, губит родину. И причина этого в том, что люди забыли Бога, поклонившись золотому тельцу и возведя личную корысть в «закон законной жизни» [5, л. 112а-112б об.].

Поклонением мамоне называл С. Н. Булгаков и «безбожный социализм», своим учением отравляющий народные массы. «Отдавая душу безбожью, зависти и злобе, социализм обещает в тоже время наступление земного рая со всеобщим довольством и гармонией». Называя социализм средством духовного прельщения и обмана, профессор усматривал религиозную сущность социализма («этой духовной язвы наших дней, которая хуже чумы и голода, ибо есть массовая одержимость и беснование, тихое и буйное») в злобе против Церкви и боевом антихристианстве. «Беснование», по Булгакову, вскормило безбожие капитализма, поставившего наживу единственным законом бытия и превратившего рабочий люд в материал для эксплуатации. Грехи капиталистического своекорыстия и подготовили почву для социализма, до определенной степени делая понятным и правым его гнев и негодование. «Если бы имущие поступали по-христиански, то и не было бы той правды обличения [со стороны] социализма, которую ныне нельзя отрицать», — вынужденно признавался С. Н. Булгаков, вновь повторяя фразу о том, что Церковь, не связывая себя с какими-либо практическими средствами социальной помощи и любви, «благословляет всякое братолюбивое делание и призывает к нему каждого в своем знании».

И что ж в итоге?

Только одно, достаточно скромное утверждение, гласившее, что

в попечении о массах народных, подвергающихся особому духовному соблазну от социализма, церковь призывает пастырство и мирян возжигать святости христианского просвещения среди рабочих, создавать для него очаги, соединять их около веры и церкви Божией, вызывая к жизни православные содружества и объединения среди рабочего люда.

И в конце — о желательности «народнения» рабочих братств, преследующих сугубо религиозные цели [5, л. 112в об.].

Не требуется больших усилий для того, чтобы понять: точно определяя социальную болезнь современного ему «цивилизованного мира», С. Н. Булгаков предлагал не способ ее лечения, а паллиатив, сама возможность использования которого в то время была под большим вопросом. Разумеется, винить его в этом было бы абсурдно. Но следует признать, что у Церкви в 1917–1918 гг. не было ясного представления о способах «лечения» той самой «болезни», вызванной поклонением «золотому тельцу» и спровоцировавшей социальные «судороги» русской революции, проходившей под лозунгами социализма, которые для большинства «искусившегося» народа укладывались в одно предложение:

«грабь награбленное». Большевики, к слову, даже не стеснялись об этом открыто говорить. Так, советский психиатр и лидер педологического движения СССР А. Б. Залкинд вскоре после окончания Гражданской войны писал:

«Не укради» эксплуататорской Библии давно и хорошо было заменено этической формулой товарища Ленина: «грабь награбленное», которая является лишь русским видоизменением Марксовой формулы «экспроприация экспроприаторов». — Конечно, товарищ Ленин вовсе не освящал огульного грабежа, а лишь доказывал, что ограбленное буржуазией у трудящихся должно быть возвращено обратно трудящимся [12, с. 53].

Подобное признание, хотя и было сделано *post factum*, однозначно свидетельствовало о том, что надежды членов Собора 1917–1918 гг. на возможность изменения государственной антицерковной политики были напрасными: уже принятие декрета об отделении Церкви от государства стало юридической подготовкой, прологом к изъятию церковных ценностей, иначе говоря, — к ограблению Церкви, к «экспроприации» тех, кого власти не стеснялись называть «экспроприаторами».

Менее чем за три месяца до вынужденного окончания работ Собора профессор С. Н. Булгаков принял священный сан: рукоположение состоялось 11 июня 1918 г. в Даниловом монастыре Москвы. А уже 25 июня (8 июля) в соединенном присутствии с ВЦС, Патриархом и Священным Синодом было принято постановление о разрешении священнику Сергию Булгакову месячного отпуска в пределы Таврической епархии. Отпуск начинался со 2 (15) июля [8, с. 492]. Больше на заседаниях Собора он не появлялся. В 1919 г. жил в Киеве, затем в Крыму. С 1919 по 1921 гг. служил профессором богословия и политической экономии Таврического университета в Симферополе, затем жил в Ялте. В 1922 г. ЧК вспомнило об отце Сергии, осенью у него был проведен обыск, затем его арестовали и отправили в Симферополь, где объявили постановление о высылке за границу. 30 декабря 1922 г. он навсегда покинул Россию, сев на пароход, следовавший из Севастополя в Константинополь.

Впрочем, находясь еще в России, отец Сергей сумел издать небольшую книгу, называвшуюся «На пиру богов. (Pro и Contra). Современные диалоги» (Киев, 1918). В этой книге, содержащей рассуждения русских людей о революции, ее причинах и следствиях, автор затронул и вопрос о проходившем в Москве Поместном Соборе. В обсуждении принимали участие рожденные воображением автора «Общественный деятель», «Боевой генерал», «Дипломат», «Известный писатель», а также «Беженец» и «Светский богослов». Именно эти два персонажа и рассуждали о Соборе. Первый весьма скептически оценивал Собор, восклицая:

Может быть, мои впечатления от собора и недостаточны, однако они говорят мне, что здесь много благочестия, верности преданию, ну, староверия, что ли, в самом лучшем, самом положительном смысле, но движения религиозного здесь нет, по-видимому, даже мало вкуса к религиозным вопросам, догматического волнения. Разве это на самом деле собор? Церковно-учредительное собрание — да!<...> Нет жажды, нет тревоги. Нужны ли примеры: как отнеслись к огнепаляющему вопросу о почитании имени Божия? В сущности, никак, с ледяным равнодушием, если

не говорить о примешавшихся сюда личных самолюбиях. <...> Какая беспомощность в вопросах оккультизма и вообще антропологии!

«Беженец» констатировал как непреложный факт:

...и на соборе, как и вне его, царят догматическая вялость и спячка, а при таком условии мы даже права не имеем притязать на настоящий собор, кроме как на созванный сверху, по щучьему велению, по обер-прокуророву хотению. <...> А это не собор, а лишь всероссийский церковный съезд, облеченный чрезвычайными полномочиями. Только всего [2, с. 341].

Отвечая на столь жесткий приговор, «Светский богослов» заявлял, что сказанное «Беженцем» совершенно неверно, что для понимания «нужно войти в самую гущу соборной работы, изо дня в день участвовать в соборной жизни, чтобы оценить всю беспримерность этой работы и по напряженности, и по плодотворности, и по быстроте». «Светский богослов» указывал, что ранее принимал участие в различных ученых и политических собраниях, но никогда не видел собрания, подобного собору, отличавшегося просвещенностью, добросовестностью, вообще «годностью».

Можно излечиться от всякого скептицизма относительно судеб России, бывая на заседаниях собора. А что касается мнимого равнодушия к вопросам догматическим, то ведь всякому овощу свое время. Надо нам сначала очередные задачи разрешить, вымести из храма веками накопившийся сор, тогда и придет уже время для догматических вопросов. Впрочем, в церковной жизни вообще нет недогматических вопросов, и всякий вопрос ее устройства связан с основами церковного вероучения.

Отрицал полемист и обвинение в отсутствии обсуждения оккультизма и антропологии («Еще не хватало бы на соборе излюбленные их вопросы “третьего завета” обсуждать, о поле, например. Нет, на соборе не должно быть места для хлыстовщины») [2, с. 341–342].

Под «Светским богословом» легко угадывается сам С. Н. Булгаков, создававший свои «диалоги» еще будучи участником Собора — в апреле-мае 1918 г. Но важно не только время создания текста, не менее принципиально и то, как он реагировал на обвинения оппонентов, утверждавших, что Собор следует считать лишь всероссийским церковным съездом, хотя и с чрезвычайными полномочиями. Можно также сказать, что он понимал правомерность некоторых претензий пристрастного «Беженца», напоминавшего, в частности, о необходимости разрешения «имяславского» вопроса. Понимая, С. Н. Булгаков («Светский богослов») не отказывался от его разрешения в будущем. Другое дело, что, будучи «гостем на пиру богов», современником великих событий, он не мог знать «времена и сроки», мог только «уповать». «Упование» оказалось во многом напрасным. Пребывая в Ялте, в 1922 г. отец Сергей написал новые диалоги (под названием «У стен Херсонеса»), в которых устами вымышленных собеседников обвинил Собор в превращении Патриарха в «конституционного монарха», в продолжении монашеского чинопоследования как образца для приходских служб и даже во включении мирян на Собор на правах полноценных членов. Чем было

вызвано подобное обвинение, можно только догадываться, но известно, что в дальнейшем отец Сергей от этой работы отказался. При его жизни диалоги «У стен Херсонеса» не публиковались, впервые попав к заинтересованному читателю в 1991 г. [3, с. 260, сноска 109].

Больше он о Соборе и о своем участии в его работах не писал. Четыре года спустя после кончины отца Сергия, в 1948 г., парижское издательство YMCA-PRESS опубликовало его «Автобиографические заметки». В «Заметках» была и глава «Моя жизнь в Православии и в священстве», в которой, однако, не нашлось места даже для упоминания Собора. Однако о понимании русских революционных событий (в контексте собственной «церковности»), отец Сергей кратко поведал.

«Я должен сказать по совести, — писал он, — никогда и ни в какой мере я не колебался в верности своему священству <...> но происходившее кругом меня всё решительнее научило меня постигать историческую относительность внешних форм. Это не значит, что их можно бросать или менять своевольно, но они сами нуждаются корректуре относительности. Особенно это относится к иерархическому устройению в Церкви». Он вспоминал, как во времена «Крымского сидения под большевиками» испытал чувство страшной незащитности церковной организации и ее дезорганизованности, неготовности к борьбе. Годы спустя, составляя «Заметки», отец Сергей подчеркнул, что «теперь» думает: «духовная, мистическая готовность ее оказалась гораздо большей, чем тогда казалось» [1, с. 48].

Это, полагаю, то главное, что можно было бы с полным правом отнести и к оценке деятельности Поместного Собора 1917–1918 гг. *in corpore*. Отец Сергей оказался в то эпохальное время, выражаясь его собственными словами, гостем на пиру богов. Но воспоминания о «пире» были столь болезненными, что в течение последующей жизни он о них не вспоминал, предпочитая светлую веру в Христа грядущего и ожидая «ч у д а в истории, как раскрытия в ней воли Божией, высшего ее смысла» [1, с. 57].

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков Сергей, прот. Автобиографические заметки. — Paris: YMCA PRESS, 1991. — 166 с.
2. Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro и Contra. Современные диалоги // Вехи. Из глубины. — М.: Правда, 1991. — С. 290–353.
3. Дестивель И., свящ. Поместный Собор Российской Православной церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. — М.: Изд-во Крутицкого Подворья; Общество любителей церковной истории, 2008. — 312 с.
4. Доклад проф[ессора] С. Н. Булгакова. (Приложение к протоколу № 23) // Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 3431. — Оп. 1. — Д. 337. — Л. 110.
5. Доклад С. Н. Булгакова // Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 3431. — Оп. 1. — Д. 337. — Л. 112.
6. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. — М., 2012. — Т. 1: Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. — Кн. 1. — 710 с.

7. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. — М.: Издательство Новоспасского монастыря, 2012. — Т. 1: Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. — Кн. 2. — С. 711–1370.

8. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. — М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2013. — Т. 2: Протоколы Соборного Совета. — 734 с.

9. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. — М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2014. — Т. 3: Протоколы Священного Собора. — 800 с.

10. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. — М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2015. — Т. 5: Деяния Собора с 1-го по 36-е. — 928 с.

11. Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). — М.: Общество любителей церковной истории, Изд-во Новоспасского монастыря, 2014. — Т. 1–4. — 904 с., 1096 с., 1064 с., 384 с.

12. Залкинд А. Б. Революция и молодежь. Сборник статей. — М.: Изд. Коммунистического университета имени Свердлова, 1925. — 140 с.

13. Записка С. Г. Рункевича о Предсоборном Совещании при Святейшем Синоде (1912–1916) // Российский государственный исторический архив. — Ф. 796. — Оп. 205. — Д. 269.

14. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. — М.: Общество любителей церковной истории, Изд-во Крутицкого подворья, 2004. — Ч. 1, 2. — 1040 с., 1056 с.

15. Положение Православной Церкви в Русском государстве «Об отношении Церкви к государству». (Составлено по поручению Отдела членом его С. Н. Булгаковым) // «Приспело время подвига...». Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь. — М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. — С. 399–404.

16. Послание Священного Собора к православному народу в связи с поруганием святынь Кремля // «Приспело время подвига...». Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь. — М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. — С. 122–127.

17. Постановление Священного Собора Православной Российской Церкви по поводу Декрета об отделении Церкви от государства // «Приспело время подвига...». Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь. — М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. — С. 157–161.

18. Рогозный П. Г. Генезис термина «большевизм» в церковной среде. К изучению языка Российской революции // Источник, историк, история. Сборник научных работ. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002. — № 2. — С. 292–296.

19. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний / под общ. ред. профессора Гюнтера Шульца. — М.: Изд-во Крутицкого Подворья, Общество любителей церковной истории, 2002. — Т. 1: Первая сессия. — 452 с.

20. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний / под общей редакцией профессора Гюнтера Шульца. — М.: Изд-во Крутицкого Подворья, Общество любителей церковной истории, 2001. — Т. 2: Вторая сессия. — 548 с.

21. Феодосий (Процюк), митр. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М.: Издательство Крутицкого Подворья, Общество любителей церковной истории, 2004. — 640 с.

22. Фирсов С. Л. Религиозная критика социализма в Православной Российской Церкви начала XX века. (К постановке проблемы) // Фирсов С. Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. — СПб.: Сатисъ, Держава, 2007. — С. 196–222.

23. Sergij Bulgakov. Bibliographie Werke, Briefwechsel und Übersetzungen. Mit ausgewählter Sekundärliteratur und einem tabellarischen Lebenslauf / Hrsg. von Barbara Hallensleben und Regula Zwahlen. — Münster: Aschendorff-Verlag, 2017. — Bd. 3.